

Со́ня Штригни́ц
(Берлин)

ОБ ОТНОШЕНИИ РУКОВОДЯЩИХ СИЛ ПАРТИИ ЭСЕРОВ
К ВОПРОСУ ВОЙНЫ И МИРА (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)

Когда В. И. Ленин в 1915 г. в своём труде *Социализм и война* анализировал отношение классов и партий России к первой мировой войне, он в частности подчеркнул, что буржуазно-демократические партии, соприкасающиеся с крестьянством, не устояли против шовинистической волны и что „даже левое крыло буржуазной демократии – так называемая партия социалистов-революционеров [...] поплыла по этому же течению”. Представитель эсеров в Международном социалистическом бюро А. И. Рубанович выступал с самого начала войны против открытым социал-шовинистом. Судьбу этого человека Ленин назвал „печальной” и „чрезвычайно замечательной”, потому что в ней проявилась вся сущность этой мелкобуржуазной партии в новой исторической обстановке¹.

Начало войны застало партию эсеров в довольно жалком состоянии. Эсеры, собственно говоря, не вышли из того организационного кризиса и не преодолели того внутреннего раскола, которые были для них особенно характерными после поражения первой российской революции. В годы нового революционного подъёма они во многом нашли общий язык с ликвидаторами в РСДРП. И хотя они в какой-то степени могли расширять связь с массами, особенно с крестьянством, их революционизм в теоретических и организационных вопросах ещё больше таял.

Накануне войны эсеры интенсивно готовились к Международному социалистическому конгрессу, запланированному на лето 1914 г. в Вене. В связи с начавшейся войной конгресс, однако, не состоялся, но отчёт партии был написан. В нём в типичном для партии эсеров широкодушии

¹ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 26, с. 330.

говорится, что партия своей деятельностью охватывает „огромную территорию”. Сразу же оговаривается, что ввиду неимеющейся чёткой регистратуры действительное положение партии трудно поддаётся оценке. Там же говорится о значительных масштабах деятельности партии в царской армии и на флоте, которая ведётся с целью борьбы против приключенческой внешней политики царизма и подготовки в ближайшее время победы революции внутри страны. Указывается на участие эсеров, находившихся в эмиграции в антивоенном движении в европейских странах, так например в манифестациях по поводу Базелевского конгресса II Интернационала в 1912 г. и в митингах французской социалистической партии².

Видный теоретик партии Виктор Михайлович Чернов попытался накануне войны объяснить новые явления в капитализме. Подобно Каутскому он применял понятие „сверхимпериализм”, подразумевая под ним, однако не особую стадию развития, а лишь особую политику³. Русский империализм был для Чернова не что иное, как подражание западным примерам.

Как и Чернов, большинство известных руководителей эсеровской партии находилось в начале войны (и до февральской революции) в эмиграции (Франция, Швейцария, Италия). В августе 1914 г. они собрались в Швейцарии, чтобы определить свою позицию по отношению к войне. Резолюция, принятая после бурных дебатов, была выдержана в духе оборончества: единственным виновником войны назвали Германию, а странам Антанты желали победы которую рассматривали как прогрессивный фактор европейского развития⁴. Прения вокруг этой резолюции показали, однако, что война сразу же вызвала в партии новые группировки. Определелись три точки зрения по отношению к войне: ярко выражённая социал-шовинистическая, центристская и революционно-интернационалистическая.

Самая большая группа руководящих сил выдвинула лозунг: сначала победу, а потом революцию. К этой группе принадлежали такие известные эсеры, как А. А. Аргунов, Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, А. И. Рубанович, Б. В. Савинков, С. Н. Слётов и др. Они одобрили, как пишет Чернов в своих воспоминаниях, что война вернула всех „из облака” на землю, причём каждого на свою „родную” землю. Для России это значило забывать во имя патриотизма все расчёты с самодержавием или точнее, их временно откладывать, а на первое

² *Накануне мировой войны. Доклад партии социалистов-революционеров, подготовленный к международному социалистическому конгрессу в Вене 1914 года*, Москва 1917, с. 14, 15, 16.

³ См. К. В. Гусев, *Партия социалистов-революционеров, её политическое банкротство и гибель*, Москва 1967, с. 84.

⁴ *Непролетарские партии России. Урок истории*, Москва 1984, с. 201.

место поставить, как главную задачу – создание общенационального фронта для совместной с союзниками военной победы, и только потом, „на её фоне” приступать к великой „внутренней перестройке России”⁵.

Движение вольноопределяющихся, охватывающее широкие круги русских эмигрантов особенно во Франции, находило среди эсеровских „патриотов” большую поддержку. Они добились того, что уже 22.08.1914 г. первая группа вольноопределяющихся в Орлеане вступила в французскую армию. В целом отделения русских вольноопределяющихся во Франции насчитывали 3400 человек, 600 из них были политэмигрантами, прежде всего эсерами. Видные эсеры как Аргунов, А. И. Лебедев, Савинков и Слётов служили во французской армии; Аргунов, Слётов, а также трудовик Ф. М. Онипео погибли на войне⁶, являясь солдатами французской армии.

Эсеровские вольноопределяющиеся были, как и другие эсеровские социал-патриоты несаменимыми сотрудниками выходящих во время войны в Париже газет „За рубежом” и „Новости”, которые широко пропагандировали шовинистические позиции. Эсеровские вольноопределяющиеся оправдали в газете „За рубежом” своё вступление во французскую армию с указанием на то, что для них нет возможности бороться на стороне собственного народа, т.е. в рядах русской армии. Они заявили, что хотят защищать погранные „демократии в нации”, что защита родной страны является обязанностью социалистов, потому что она совпадает с „высоким принципом интернационала”, правом каждой нации на самоопределение⁷.

Названные разные точки зрения по вопросам войны, мира и революции внутри эсеров ярко выступали на Лондонской конференции социалистов из стран Антанты, которая состоялась 14.02.1915 г. В оглашённой Рубановичем декларации социал-шовинистические крыло открыто солидаризовалось с социал-шовинистами Англии, Франции и Белгии. Эсеровские социал-патриоты отрицали империалистический характер войны и заявили, что в этой войне интересы „русской демократии” полностью совпадают с интересами „европейских демократий”. В победе Антанты они увидели предпосылки для укрепления „европейских демократий” и тем самым для предотвращения „триумфа насилия над правом”. Представители центристского и левого крыла Чернов и М. А. Натансон (М. Бобров), наоборот, осудили войну, её идеализацию и надежду на то, что от войны можно ожидать

⁵ В. М. Чернов, *Перед бурей*, Нью Йорк 1953, с. 306.

⁶ А. И. Спиридович, *Партия социалистов-революционеров и её предшественники*, Москва 1918, с. 524, 530.

⁷ Цитируется по кн. А. И. Спиридовича, *Партия...*, с. 525, 526.

решение тех задач, которые до неё ожидали только от „внутренних побед социализма и рабочей демократии”. Чернов и Натансон выступили против обезоруживания партий лозунгом и практикой „гражданского мира”, а основу настоящего мира видели в усилении народного движения внутри воюющих стран⁸.

В дальнейшем, видимо, прежде всего Б. Савинков заботился о том, чтобы партия эсеров в целом безоговорочно стала на позицию социал-шовинизма. Он обратился в „открытом письме” к представителям обоих других направлений и подчеркнул, что каждый, кто позволяет себе во время войны делать хотя бы один шаг, направленный против царизма или капитализма, тем самым выступает против России. Савинков, однако, не имел успеха⁹, поэтому он тем усерднее занимался налаживанием сотрудничества с „русскими Сюдекумами” вокруг Г. В. Плеханова. Он познакомил Авксентьева и Бунакова с Плехановым, чем была положена основа совместного издания эмигрантской газеты „Россия и свобода” (Париж) и меньшевистско-эсеровского еженедельника „Призыв” (также Париж, октябрь 1914 по март 1917 г.).

Самым крупным шагом к идейному союзу и практическому сотрудничеству самого правого крыла меньшевиков и эсеровских социал-шовинистов во время войны было, без сомнения, совещание 12 руководящих представителей обеих партий, которое состоялось с 5 по 10 сентября 1915 г. в Женеве. Участники совещания 10 сентября подписали написанное Плехановым длинное воззвание „К сознательному трудящемуся населению России”, ставшее подлинным манифестом российского социал-шовинизма. Главным лозунгом воззвания был лозунг борьбы против Германии и победы над ней, причём эта борьба выдавалась за продолжение классовой борьбы в самой своевременной и плодотворной форме, отвечающей условиям войны. В противовес к этому стачки и революционная агитация расценивались как „национальная измена”. Трудящимся рекомендовали, наоборот, самое действенное участие в защите страны, активное сотрудничество во всех учреждениях, созданных под „давлением общественности”, т.е. буржуазии, в том числе и в военно-промышленных комитетах. Только крайне осторожно и расплывчато говорилось в воззвании о том, что свержение „внутреннего врага” молго бы быть предпосылкой для победы над „внешним врагом”. В заключении говорилось о том, что эсеры и социал-демократы очень много разделяет, но их объединяет убеждение, что поражение России в борьбе против Германии равнялось бы поражению

⁸ См. К. В. Гусев, *Тактика партии большевиков по отношению к эсерам накануне февральской революции и в период двоевластия*, [в:] *Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России*, Москва 1969, с. 35–36.

⁹ См. В. М. Чернов, *Перед бурей*, с. 307.

в борьбе за свободу¹⁰. По замыслу участников совещания этот совместный документ должен был стать основой объединения обеих партий или хотя бы совместных выступлений эсеровских и меньшевистских организаций на местах. Действительно, этим документом был сделан важный шаг к будущему союзу или блоку этих партий.

Центристскую точку зрения среди эсеров наиболее чётко сформулировал и представил Чернов. В своём стремлении примирить интернационализм с оборончеством он одновременно ярче всего выразил позицию мелкого буржуа с его колебаниями между революционизмом и шовинизмом. На Лондонской конференции Чернов нашёл общий язык с Натансоном, скоро он отошёл от него, не находя, однако, много сторонников для своей платформы. Войну Чернов рассматривал как самую большую катастрофу для социализма, для демократии, для европейской цивилизации. В своих воспоминаниях он пишет, что социалистам не положено было стать на ту или другую сторону, поскольку такое поведение равнялось бы идейному и моральному самоубийству. Для исхода войны он сам видел три возможности: 1 – „ничью” в связи с тем, что освободившиеся от своих иллюзий трудящиеся массы откажутся воевать; 2 – победу Антанты; 3 – победу Центральных держав. Первая возможность была для него самой желательной, вторая по сравнению с третьей – меньшее зло¹¹.

На страницах издававшихся под своей редакцией газет „Мысль” (Париж, 15.11.1914 – март 1915 г.) и „Жизнь” (сначала тоже Париж, с марта 1915 г.) он пропагандировал идею активного вмешательства в ход войны с целью скорейшего окончания. Он выступил против голосования социалистами за военные кредиты, а также против их вступления в военные правительства. В Женеве – сюда Чернов должен был переехать, так как распространение своих воззрений в Париже стало всё сложнее – он в 1915/16 гг. в своих трудах „Действительные и мнимые пораженцы”, „Война и третья сила” и „Интернационал и война” систематически изложил свою платформу. Теперь он, как и прежде, резко осудил войну называл её измерением сил двух „огромных политических мировых трестов” и „гигантской непродуктивной расточительностью сил и средств, разрушением культуры и уничтожением человеческих жизней”¹². „Гражданский мир” социал-демократических партий II Интернационала Чернов характеризовал как „чистичную самоликвидацию социализма”, как выражение „правого

¹⁰ Цитируется по кн. Спиридовича, *Партия...*, с. 600–603.

¹¹ См. В. М. Чернов, *Перед бурей*, с. 304.

¹² В. М. Чернов, *Война и третья сила. Сборник статей*, Петроград 1917, с. 21, 23.

течения в социализме”, которое пожертвовало последовательный интернационализм пробуждающимся националистическим устремлениям¹³.

Осуждая любую идеализацию войны и буржуазную апологетику её как „великий воспитатель народа”, он видел в возрождении международного рабочего движения „третью силу”, которая должна стать между два мировые тресты. Как тактический лозунг Чернов выдвинул лозунг превращения „стоящего перед цивилизованным миром военного кризиса в революционный кризис”, причём пути к такому превращению им представлялись очень расплывчато и механистически. Чернов их скорее всего связывал с ходом войны, а не с борьбой трудящихся против неё¹⁴.

Особенно ярко проявляется центризм Чернова в его „критике” „пораженцев” и „антипораженцев” в воюющих странах. В этой связи он пишет, что эсеровское направление представленное им, выделяется в международном социализме тем, что оно не желает ни победителей ни побеждённых, а действительного единения „социалистов-интернационалистов всех стран с целью создания новой интернациональной силы, третьей силы – рабочего класса”¹⁵.

Ленинский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую против собственного правительства, поражения этого правительства Чернов отвергал. Он назвал его „примитивным”, „шаблонным” и „внутренне противоречивым”. По его мнению поражение одного означало бы победу другого, но так как пролетариат имеет общие интересы, он не может желать поражения. Кроме того война чужда пролетариату и следовательно ему и чужды поражения и победы. Ленинскую тактику он рассматривал как доказательство слабости, она якобы ориентировала на то, чтобы „бить” правительство „чужими руками”, поскольку социал-демократия разучилась сама нанести удары против правительства. А использование поражения русского правительства для революционной борьбы Черновым равнялось отказу от революционных действий! И следовательно он отсюда делает вывод, что ориентация на поражение равнялась продлению военной политики со стороны России. Поэтому теоретик эсеров поставил знак равенства между позицией Ленина и позицией социал-шовинистов, обе были для него „пораженчеством”¹⁶.

¹³ Там же, с. 8.

¹⁴ Там же, с. 37 и далее, с. 61 и далее.

¹⁵ В. М. Чернов, *Истинные и мнимые поражения. Сборник статей*, Петроград 1917, с. 18.

¹⁶ Там же, с. 19 и далее.

Чернов, как и Натансон, участвовал в Международной социалистической конференции в Циммервальде (1915 г.). Он старался приписать эсерам и другим народническим течениям в России особые заслуги в подготовке революции и „восстановлении интернационала”. Однако, он оказался голосовать за Циммервальдский манифест, направленный на сплочение революционных сил воюющих стран. Та же картина повторилась на второй конференции циммервальдского движения в 1916 г. в Кинтале¹⁷. Интернационализм Чернова на практике оказался весьма несостоятельным шатким, он фактически всегда находился „в тени” его центризма. Центристское течение и сам Чернов всё больше приближались с социал-патриотами, а после февральской революции оно полностью слияло с правым крылом партии эсеров.

Иначе шло развитие Марка Натансона, возглавлявшего левое, революционно-интернационалистическое течение в партии эсеров. Хотя это направление было численно несильным и не пользовалось особым авторитетом у руководства партии (к нему принадлежали из видных эсеров Б. Д. Камков и М. А. Спиридонова), оно стало выразителем настроений радикальной части демократической интеллигенции, студентов, а также той части рабочих, которая находилась под влиянием эсеров. В году войны эти силы стали союзниками большевиков в циммервальдском движении. Сам Натансон на второй конференции циммервальдского движения по ряду вопросов поддерживал членов Циммервальдской левой во главе с Лениным¹⁸.

Политические разделения по вопросу войны, мира и революции, имевшие место в руководстве эсеро-партии за границей, повлияли на действовавших в России эсеров и имели здесь своё соответствие. И в России социал-шовинистическая тенденция, сотрудничество с правыми меньшевиками, т.е. русскими „Сюдекумами” была определяющей. Эти силы получили подкрепление в лице трудовиков, в частности А. Ф. Керенского, который сначала выступил более „умерно”, но вскоре нашёл общий язык с народными социалистами вокруг легального журнала „Русское богатство” (во время войны „Русские записки”), выдвинувшие лозунг „подчинение интересов революции интересам обороны!”. На этой основе после свержения царизма в февральской революции 1917 г. возникал блок меньшевиков и эсеров (за исключением левых эсеров). Война специфическим образом подготовила почву для сотрудничества обеих этих партий, которому отвечали, конечно, и соприкасающиеся программные положения.

¹⁷ См. А. И. Спиридович, *Партия...*, с. 530, 534–535.

¹⁸ См. *Исторический опыт трех российских революций. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России*, Москва 1986, с. 85. – Натансон на Циммервальдской конференции голосовал за названную резолюцию.

*Sonja Striegnitz***O STOSUNKU KIEROWNICZYCH SIŁ PARTII ESERÓW
DO PROBLEMU WOJNY I POKOJU (1914 – luty 1917 r.)**

Autorka opiera swoje rozważania na analizie kilku tekstów działaczy partii eserowskiej, m. in. rezolucji przyjętej na konferencji partyjnej z sierpnia 1914 r. w Szwajcarii.

Dyskusja nad nią doprowadziła do wyraźnego podziału partii ze względu na stosunek do wojny. Wyłoniły się wówczas grupy: socjal-szowinistyczna, centrowa i rewolucyjno-internacjonalistyczna. W partii zaczęła dominować grupa działaczy, którzy postawili hasło: najpierw zwycięstwo, a później rewolucja. Różnice programowe poszczególnych ugrupowań w ich stosunku do wojny i pokoju autorka przedstawia na podstawie prac Wiktora Czernowa i wybranej literatury przedmiotu.

W artykule znajdujemy również szczegółową analizę poglądów Czernowa i M. Natansona – przedstawiciela lewicowego, rewolucyjno-internacjonalistycznego kierunku ideowego partii eserów.